

11. Органічний синтез «національного» та «європейського», відсутність дилеми й штучного вододілу цих категорій. Зміцнення європейського фундаменту української літератури в 20–30 рр. (В. Свідзинський, Б.–І. Антонич, П. Тичина, В. Підмогильний, С. Гординський, поети «празької школи», Т. Осьмачка).
12. Творчість Валер'яна Підмогильного – продовження лінії інтелектуальної, філософсько-психологічної прози, яка набула розквіту в Україні в XVI - XVII ст. за умов найактивнішої інтегрованості в культуру Західної Європи.
13. Екзистенційне сприйняття світу Тодосем Осьмачкою, космізм його художнього мислення. Приналежність «Старшого боярина» до традицій європейської прозової школи XX ст.
14. Постать Валерія Шевчука в європейському літературному контексті на тлі євроінтеграційних прагнень української літератури.
15. Український постмодерний дискурс у координатах світової літератури.

*Петрушенко Ю.Н. – канд. экон. н.
(Сумы, СумГУ)*

ДИСЦИПЛИНА ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ

С тех пор, как К.Маркс свел любую ценностную экономию в процессе производства к экономии времени, время стало универсальным критерием экономической эффективности.

Проблема использования времени обычно рассматривается в современной научной литературе в рамках двух внешне взаимоисключающих концепций – аллокации и дисциплины. Разработка теоретической основы этих концепций связывается прежде всего с именами Гэри Беккера и Мишеля Фуко, соответственно. Теория аллокации времени, пользующаяся популярностью в основном среди экономистов, акцентирует внимание на проблеме выбора и принятии решений индивидом. Концепция дисциплины времени, используемая в первую очередь социологами, подчеркивает роль механизмов принуждения, отношений власти и контроля в обществе. По мнению И.М.Савельевой и А.В.Полетаева, эти две концепции являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Во всех обществах и во все эпохи, от древности до современности, структура использования времени индивидами определялась одновременным действием обоих факторов – свободного принятия решений индивидами и внешнего принуждения (природного или социального).

Дисциплина – как подчинение установленному порядку, точнее, порядку времени – существовала с древнейших времен. История дисциплины времени – это история постепенного перехода от природной дисци-

плины времени к социальной, а не просто история ужесточения дисциплины. Распорядок времени может поддерживаться как добровольно, так и принудительно, причем это принуждение, которое и обозначается ныне термином "дисциплина", может осуществляться в самых разных формах.

Распорядок времени в доиндустриальных обществах был достаточно жестким, прежде всего в отношении дисциплины годового времени. Она была обусловлена, естественно, в первую очередь природными факторами, но ее поддержанию способствовали также религиозные и гражданские предписания.

Дисциплина времени в индустриальном обществе имеет более открытый характер. Во-первых, ее утверждение было отчетливо зафиксировано общественным сознанием как период болезненного слома стереотипов, характерных для традиционного общества. Современная дисциплина времени окончательно утвердилась и перестала восприниматься с обостренной чувствительностью только в процессе становления всего комплекса культуры индустриального общества. Во-вторых, она определяется не столько неторопливым годовым ритмом, сколько стремительным суточным, требующим от индивида гораздо большей собранности. В современном обществе дисциплина времени прежде всего является социальным смыслом, элементом социальной структуры общества, а не естественной данностью.

Отношение к времени как к ресурсу, осознание его ценности варьируется под влиянием не только, а может быть и не столько исторических, сколько социальных параметров. Во все эпохи, начиная с античности и до наших дней, оно в значительной мере зависело от рода занятий и вида деятельности индивида, принадлежности его к тому или иному социальному слою, не говоря уже об особенностях его личности.

Наряду с социальными параметрами проблема ценности времени имеет и экономический аспект. В экономической теории проблема ценности уже давно переведена из разряда эмоциональных оценок в разряд строгих научных категорий. Прежде всего, ценностью может обладать только ограниченный ресурс (так, морская вода не обладает ценностью с экономической точки зрения, даже если из нее добываются какие-нибудь соли или химические элементы), который в этом случае называется экономическим благом. В свою очередь ценность экономического блага определяется его потенциальной или альтернативной стоимостью. По-видимому, одним из первых, кто применил концепцию альтернативной стоимости для оценки ценности времени, был Б.Франклин, который придумал выражение "время – деньги".

Представление о ценности времени переводит его в разряд так называемых "экономических благ", т. е. ограниченных (дефицитных, редких) ресурсов. Вообще говоря, время не является ограниченным ресурсом. Но

в сознании индивида, осознающего ценность времени, оно воспринимается как ограниченный ресурс – в самом простом приближении время, которое может использовать человек, лимитировано продолжительностью его жизни.

Таким образом, с экономической точки зрения главное изменение в отношении к времени произошло, когда было обнаружено, что время является производительным фактором. Тем самым время приобрело редкость, причем в современных обществах редкость времени не уступает редкости денег, а то и превосходит ее. "У меня мало времени", "у меня нет времени", "я располагаю ограниченным временем", – эти и подобные выражения, существующие ныне во всех европейских языках, являются одной из отличительных черт мышления Нового времени.

Экономический подход позволяет прояснить причины противоречивой картины истории социальных представлений о ценности времени. Ясно, что для людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, время всегда выступало как ограниченное благо и для них всегда существовала возможность его "альтернативного" использования, т. е. размышлений, чтения, написания книг и т.д. В позднее Средневековье такое отношение к времени стало постепенно восприниматься и другими социальными слоями: в первую очередь это относится к купцам, торговцам, банкирам, т. е. предпринимателям, если использовать современный термин. Для представителей социальных групп, занимавшихся физическим трудом, эти условия довольно долго не выполнялись – прежде всего, у них не было возможностей для "альтернативного" использования времени.

Развитие капитализма и распространение системы наемного труда существенным образом изменило эту ситуацию. Время стало приобретать ценность для все более широких слоев населения. Но этот процесс затронул не все сферы использования времени, а только рабочее время. И, несмотря на весь экономический прогресс, в индустриальном обществе для значительной части населения типична ситуация, при которой рабочее время обладает ценностью, а свободное время – нет (если человеку нечем "занять время").

В постиндустриальном (постэкономическом?) обществе, особенно с развитием сферы услуг и духовных потребностей человека, свободное время, наоборот, становится главной ценностью.

В качестве ориентиров дальнейших исследований можно отметить, что дисциплина времени, которая является сегодня неотъемлемым атрибутом европейской цивилизации, имеет отличительные черты у разных народов, характеризуя своеобразие каждого отдельного культурного генетического кода нации. По мнению Л.Г. Мельника, этот код сохранен в системе социальной памяти, а по мнению А.К. Секацкого экономика оп-

ределяється *воспитанностью* этой *памяти* еще до того, как она определяется производительностью труда. Поэтому решение проблемы развития и воспитания социальной памяти нации приобретает непосредственное не только культурное, но и экономическое значение.

Литература:

1. Мельник Л.Г. Информационная экономика. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003. – 288 с.
2. Секацкий А.К. Сила взрывной волны. Статьи, эссе. – СПб.: «Лимбус Пресс», 2005. – 400 с.

*Підкуркова І.В. – канд. соц. н.
(Харків, Нац. юр. академія)*

АКУЛЬТУРАЦІЯ ЯК ЧИННИК ФОРМУВАННЯ СУЧАСНОГО ОБРАЗУ ПОЛІТИКО-ПРАВОВОЇ КУЛЬТУРИ

Країни Європи, не зважаючи на їх геополітичну близькість, не мають єдиної політико-правової культури, характеризуються їх розмаїтістю. Але існуючі культури відкриті і тому не можуть бути ізольованими одна від одної. Під час чисельних взаємодій об'єктивно між ними відбувається акультурація, тобто вплив однієї культури на іншу з метою “прищеплення”, перенесення рис культури-донора культурі-реципієнту. Це стає особливо актуальним у зв'язку з сучасними євроінтеграційними процесами.

Політико-правова акультурація може здійснюватися на таких рівнях: владою за допомогою законодавства, судової практики тощо; певними політико-правовими суб'єктами через укладання різного рівня договорів; вченими й викладачами на доктринальному рівні, тобто через юридичну і політичну науку та освіту.

Політико-правова акультурація може бути позитивною, тобто такою, яка свідчить про утвердження певного інституту, норми, елементів політико-правової практики, і негативною, пов'язаною з виродженням якихось правових і політичних явищ, традицій або відмовою від їх використання. Той чи інший тип акультурації залежить від багатьох чинників. На формування сучасного образу політико-правової культури, зокрема, впливають:

1. культурна близькість контактуючих суспільств (наприклад, у випадку з Україною, це - Германія, Франція, Польща з їх європейсько-континентальним типом політико-правової культури);
2. відношення носіїв культури-донора до культури-реципієнта. Відповідно до цієї обставини може існувати 2 сценарії розвитку акультурації: а) кращій акультурації сприятиме усвідомлення обома сторонами технологічного та економічного домінування відповідної країни; б) несприятиме або заважає рецепції насильницька акультурація, заснована на військових, силових засобах;